

Главный редактор Бэллочка и редактор Шурочка опять не позвали корректора Кутькина пить чай. Цейлонский, «со слоном» и дефицитными конфетами «Грильяж». Кутькин прихлёбывал свой дрянной грузинский вприкуску с чёрствым коржиком прямо на рабочем месте. Делая вид, что вычитывает рукопись, он тихонько разглядывал Шурочку. Она ему давно нравилась, но сознаться в этом он не мог. Пока не мог.

Шурочка – холёная блондинка в костюме «джерси», с причёской «паж». Маститые литераторы относятся к ней с пиететом. Потому как Шурочка умеет методом простого вычёркивания превратить лохматую и кособокую рукопись в шедевр. Потому и носят они Шурочке «Грильяж» и «Жар-Птицу» коробками. А кто после гонораров да потиражных и на французские духи может расщедриться! А что Кутькин?

Ему под пятьдесят. Он почти лыс. Уцелевшую прядь укладывает на макушку, думая, что это поправит дело, но лысина всё равно предательски просвечивает. Он – простой корректор. Кутькин педантичен, усидчив, надёжен. Тринадцатую зарплату Кутькин получает исправно. Но перспектив продвинуться по службе – никаких. Да и живёт он в коммуналке

Но у тихого Кутькина есть план, который позволит всё изменить. Как литературный работник, Кутькин давно мечтает написать роман. Настоящий шедевр. И чтобы за него дали не только Ленинскую премию, но и премию Парижского ПЕН-Клуба. Где этот ПЕН-клуб, и как в него принимают, и тем более за что он раздает премии, Кутькин представлял плохо, но слышал, что дают её в инвалютных рублях. Тогда – «распахни, „Березка“, двери!». Со всеми своими дефицитами.

В глубине души Кутькин понимал, что самому ему с дерзновенной задачей не справиться. Поэтому по ночам он мыл золотой песок. Оставался допоздна, ждал, когда за Бэллой закроется дверь. И пулей влетал в её кабинет, чтобы раньше уборщицы успеть выудить из мусорной корзины папки с забракованными рукописями. Магическая формула «рукописи не возвращаются и не рецензируются» давала

Кутькину надежду на то, что никто никогда не востребует то золото, которое он годами намывал из отвергнутых рукописей.

Каждая серая папка с тряпичными завязочками вселяла в Кутькина радужную надежду на редкостный самородок, который он найдёт, а это было непросто. Начинаящие авторы почти всегда писали неразборчиво, но на машинистку они тратиться не желали. Значит, и второго экземпляра текста у них не было. Зрение Кутькина с каждым годом ухудшалось. Линзы очков становились всё толще, а взгляд – всё печальнее.

Найденные красивые слова, неожиданные обороты или интересные сюжетные ходы Кутькин любовно выписывал на карточку и помещал в ящичек, типа тех, что есть в библиотеках.

Сидячая работа и еда всухомятку ещё никому не добавили здоровья. У Кутькина обнаружилась подагра. Слово-то какое! Будто мерзкая злая старуха вцепилась узловатыми костлявыми пальцами в косточку его правой ноги и ну давить, что есть мочи. А по ночам приходил цепной старухин пёс и всё грыз, грыз ногу... Пахучая мазь Вишневского облегчала боль совсем ненадолго. Невозможно было есть, спать, ходить на работу. Приходилось брать больничные. И лишь одно занятие давало ему облегчение – это мытьё золотой руды из принесённых домой папок.

Завершив работу с очередной папкой, Кутькин задремал. Ему снилось, как вручают заветную премию, а Шурочка восторженно ему аплодирует, когда в дверь постучали. На пороге его комнаты стояла... Шурочка, милая сердцу волшебница, в своём неизменном джерси. Её отправил к захворавшему Кутькину главный редактор.

– Дорогой Александр Петрович, – защебетала она, устраивая стопку новых папок готовящихся к изданию рукописей на тумбочке у его кровати. – Ну, как же некстати вы разболелись! Без вас как без рук! Это вам на вычитку.

Кутькин попытался заслонить лежавшую рядом украденную папку и свою картотеку, но Шурочка уже заметила их. Секунда – и её пальчики с красными коготками побежали по краям карточек.

Сердце Кутькина ушло в пятки. Вот сейчас всё и откроется – что он, корректор, бессовестно воровал перлы начинающих авторов.

Но сие было настолько нелепо, что Шурочке и в голову не пришло.

– Неужели, какой-то словарь составляете? Это очень неожиданно! Хотя, что-то в этом есть... – задумчиво развивала Шурочка свою мысль, – вы же всю свою жизнь имеете дело с нотами. Рано или поздно, у вас внутри обязательно должна была зазвучать музыка. Вот вы и прониклись красотой слова. Того и гляди, сами начнёте творить! И тогда – слава и почёт, награды, поездки!

Кутькин даже рот открыл от удивления. Про словарь Шурочка попала, что называется, пальцем в небо, но в части общего замысла – как раз в точку. Но главное, что в её глазах Кутькин оказывался человеком значительным и достойным всяческого уважения. А значит, надо соответствовать этому образу!

– Да вот работаю тут кое над чем... – уклончиво ответил Кутькин, скрестив руки на груди.

– А пока и на службу ходить не надо! Вот – для мозга очень полезно, «Грильяж». Шурочка вынула чёрную с золотом коробку из недр своей кожаной югославской сумки.

– Благодарю покорно, – расплылся Кутькин в довольной улыбке. Его болезнь неожиданно предоставила ему некое преимущество. Кутькина заметили, почтили вниманием и даже конфетами дефицитными кормят. И кто сидит рядом и благоухает Францией на всю комнату? Шурочка, милая сердцу волшебница.

Когда дверь за Шурочкой закрылась, Кутькин понял, что пора браться за дело. Золотого песка в его ящичках было уже достаточно для выплавки задуманного шедевра. Он потёр руки, хотел было открыть коробку, но потом передумал: «Открою, когда книга будет дописана!»

Шурочка заходила ещё три или четыре раза. Она забирала сделанную работу, приносила новую, и Кутькину хотелось, чтобы его подагра длилась вечно. Он быстро вычитывал «обязаловку» и писал свой роман, упиваясь возможностью выразить самые затаённые мысли. Излить на бумагу свою любовь к прекрасной Музе, поверившей в его талант. Чувства этого человека, так старательно подавляемые, вырвавшись на свободу, наливались силой, придавали жизни новый, доселе неведомый смысл.

Лишь на несколько часов он забывался сном, а едва проснувшись, вновь растягивал по бумаге бесконечные бусы своей любовной истории. Увлёкшись, Кутькин даже не вспомнил о столь долго собиравшейся картотеке. Да какой в ней прок, если её разрозненные нотки-слова уже сплелись в его голове в стройные аккорды литературного текста?

Подагра прошла, но счастливо подоспел очередной отпуск, и Кутькин продолжал писать. Когда книга была закончена, он, с победным кличем «Ай да Кутькин, ай да сукин сын!», сдёрнул золотую ленточку с заветной коробки, выхватил из гнездышка конфету. И быстро закинул её в рот. Конфета оказалась неожиданно твёрдой и попала не в то горло. Кутькин захрипел, заколотил по воздуху руками. Он повалился на пол, пару раз дёрнул ногами и испустил дух.

Когда на работе хватились неприлично долго загулявшего корректора, то снова отправили к нему Шурочку. А тот уже покоился в

морге Александровской больницы и ждал третьего дня, чтобы быть преданным земле.

Соседка впустила её. Шурочка в замешательстве переступила порог его пустой комнаты и заметила на столе папку. На ней значилось: А.П. Кутькин «Девушка в джерси». Она прошла по страницам. Это был роман о неразделённой любви, написанный прекрасным, чистым, ясным русским языком, замечательный своею откровенностью.

«Так вот какой ты был на самом деле, Александр Петрович!» – подумала Шурочка, пряча рукопись в югославскую сумку. Книга о ней, а значит – её!

Примчались лихие 90-е. Словно карета Золушки с боем курантов, генсек был переименован в президента, СССР превратился в Российскую Федерацию с суверенами, Ленинград в Санкт-Петербург, маститые литераторы в никому не нужный нафталин, стрижка «паж» в скучную «химию». А сама Шурочка – в Александру Леонидовну.

Бэлла укатила в Израиль, но вскоре вернулась, чтобы открыть собственное издательство.

– Слушай, Шур! – обратилась она к Александре, – выручай. Автор меня подвёл. Серия горит, а сдавать в типографию нечего. Может, нароешь что в закромах родины?

– Есть одна книжка, но её надо немного «докрутить». Три дня даёшь?

– Сутки.

– Ну, сутки так сутки, – вздохнула Александра. И взялась за дело.

Она лихорадочно вычёркивала, дописывала, снова вычёркивала, потом прочла, ещё немного переписала начало и дописала финал. Перечитала ещё раз и расплакалась. Кто бы мог подумать – скромный Кутькин так горячо её любил – преданно, бессловесно, безнадёжно!

Наутро Александра положила перед Бэллой стопку листков. Та заглянула в начало, полистала в середине, просмотрела конец.

– Эврика! Читану ещё поглубже. Но на первый взгляд – оно! Ещё такого нету?

– Нету, – вздохнула Александра.

– Что, автор умерла что ли? Не вписалась в рынок?

– Умер. Да ты знала его. Корректор наш.

– Кутькин?! Не может быть!

– Выходит, может.

– Да, но фамилию Кутькин – на обложку – только через мой труп!

– А «Девушка в джерси»?

– Ещё хуже! Нам надо что-то типа «За минуту до счастья», автор – ну, например, Марина Тверская. Вот то, что требуется простой русской бабе: трагедия вселенского размаха и непременно с дворянской фамилией на обложке. Потому, что муж алкоголик и ножки Буша на

обед. И тут наша Марина Тверская – аристократичная, но в мягком переплёте карманного формата. Ты меня понимаешь?

Александра стянула с шеи платок, ощутив, как ей стало душно. Всё было так, Бэлла права, но была в этой правоте огромная несправедливость.

– Ну, давай Кутькина хоть корректором поставим. В чёрной рамке.

– Это можно, – согласилась Бэлла. – А тебя – редактором.

Садись, я юриста вызову.

– А его-то зачем? – удивилась Александра

– Права на текст у тебя приобрету, моя дорогая. А Кутькин – что?

Он умер. Только не скажи, что у него правопреемники есть! Кто-то ещё про эту книгу знает?

– Никто, – упавшим голосом ответила Александра.

– Ну и всё! Помнишь шутку времён нашей молодости? Кража книги воровством не считается.

– Это-то так, но только тут я, выходит, торгую ворованным.

– Ну, если ты такая честная, Шурка, то я не знаю... Ограду ему на могилу поставь. Больше-то ему уже ничего не понадобится...

На следующий день Александра Леонидовна заглянула на бывшую квартиру Кутькина.

– А, это вы, – узнала её та же соседка, – Вот, от Александра Петровича осталось. Вам может пригодиться.

И отдала ящичек с карточками, уже изрядно запылившийся.

– Спасибо. А похоронили-то его где?

– Да в Колтушах, у самого леса, семнадцатый ряд.

Дома Александра пристально рассмотрела карточки. На обратной стороне каждой значился автор и произведение, из которого был намыт «золотой песок». Маленькая расписка в содеянном. Зачем Кутькин вёл эту летопись своего ежедневного воровства, так и осталось для Шурочки неразрешимой загадкой.